

How Media Create Ghosts: Paranormal Experiences in the Cultural Space of Modern Russia

Lejonis Aanris van Haaske

Moscow Polytechnical University. Moscow, Russia. Email: [mail\[at\]vanhaaske.ru](mailto:mail[at]vanhaaske.ru)

Received: 1 March 2023 | Revised: 22 June 2023 | Accepted: 30 June 2023

Abstract

The subject of the article is the representation of ideas about the paranormal in the media. This issue is often brought up by psychologists, who directly point to the leading role of the media in the formation of such representations in present-day time. The author points out the kinship of research in the field of “paranormal psychology” with the studies of induced phenomena by Vladimir Bekhterev, who directly pointed out the role of mass media in the formation of induced ideas. The empirical part of the work consists in the analysis of a sample of media reports on the presence of ghosts, catalogued by the author. The main research question is how the features of the localization of the ghost phenomenon stated in the media can provoke its representation. The author concludes that the media are not only conductors of paranormal ideas, as noted by other researchers, but also partially demonstrate the causal relationships underlying the formation of paranormal ideas. The author underlines the close connection between a particular location, its history and the very report of paranormal phenomena in it. The author identifies the main descriptive techniques of the media associated with paranormal ideas, as well as shows the specifics of their distribution in the media environment. In fact, the article is intended to fill a kind of “information vacuum”, which has formed in the studies of ideas about the paranormal both in the Russian and foreign scientific environment, which makes this study very relevant.

Keywords

Paranormal; Ghost; Media Psychology; Formation of Cultural Objects in Media; Cognitive Distortions; Cultural Memory; Perception of Environmental Objects; Suggestible States

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Как медиа создают призраков: паранормальные переживания в культурном пространстве современной России

ван Хааске Лейонис Аанрис

Московский политехнический университет. Россия, Москва. Email: mail[at]vanhaaske.ru

Рукопись получена: 1 марта 2023 | Пересмотрена: 22 июня 2023 | Принята: 30 июня 2023

Аннотация

Предметом рассмотрения в статье является репрезентация в медиасреде представлений о паранормальном. Этот вопрос нередко оказывается в поле внимания зарубежных психологов, прямо указывающих на ведущую роль медиа в формировании таких представлений в современности. Автор демонстрирует родство исследований в области «паранормальной психологии» с исследованиями индуцированных феноменов В. М. Бехтерева. Эмпирическая часть работы заключается в анализе созданной автором выборки из сообщений СМИ о присутствии призраков. Основным исследовательским вопросом является вопрос о том, как заявляемые в медиа особенности локализации призрачного феномена могут провоцировать его представление. Автор приходит к выводу, что СМИ не только являются проводниками паранормальных идей, на что указывали зарубежные исследователи, но и отчасти демонстрируют причинно-следственные связи, лежащие в формировании паранормальных идей. Автор отмечает тесную связь между конкретной локацией, ее историей и самим сообщением о паранормальных явлениях в ней. Автор выявляет основные описательные приемы СМИ, связанные с паранормальными идеями, а также показывает специфику их распространения в медиасреде. Фактически статья призвана заполнить своеобразный «информационный вакуум», сложившийся в исследованиях представлений о паранормальном как в российской, так и в зарубежной научной среде, что делает данное исследование весьма актуальным.

Ключевые слова

паранормальное; призрак; психология медиа; формирование культурных объектов в медиа; когнитивные искажения; культурная память; восприятие объектов окружающей среды; внушенные состояния

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\)4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Вера в паранормальные явления и связанные с ними идеи традиционно имеет в некоторой степени маргинальный характер, и в силу этого нечасто привлекает к себе внимание российских ученых. Однако исследования зарубежных специалистов показывают, что веру в такую паранормальную идею, как существование призраков, разделяет от 30 процентов (French & Stone, 2013, p. 3, Irwin, 2009, p. 2-3) до 50 процентов (Baker & Bader, 2014, p. 580) американцев. Для России нами не были обнаружены подобные исследования, но мы можем предположить, что расхождения в данных могут быть незначительными. Такая распространенность, по нашему мнению, может обосновать важность исследования принимаемых взглядов на паранормальное с самых разнообразных позиций – в том числе и в отношении механизмов их формирования и распространения. В данной статье мы предпочтем сузить круг рассматриваемых нами паранормальных проблем до феномена призраков. Такое сужение обусловлено тем, что, по данным специалистов (Baker & Bader, 2014; French & Stone, 2013; Irwin, 2009), феномен веры в призраков является наиболее распространенным среди паранормальных идей.

Основной фокус данной статьи будет сосредоточен на механизмах формирования идеи призрака как части паранормальных убеждений. Мы предполагаем, что возможность формирования паранормальной идеи тесно связана со спецификой среды, которой приписывают наличие паранормальных явлений. Такой подход оправдывается, например, работой М. Бэлла (Bell, 1997), предлагавшего рассматривать призрак как элемент восприятия человеком конкретной локации. Он отмечал (Bell, 1997, p. 815), что призрак как феномен социального сознания существует не сам по себе и не в форме абстрактной идеи – он является частью социального представления о том месте, где его наблюдают. Развитие этой идеи мы можем видеть в монографии Э. Гордона (Gordon, 1997), который отмечал, что призрак – это не мертвый человек, а социальная фигура, и исследование призрака может привести к раскрытию того, как история и субъективность создают социальную жизнь (Gordon, 1997). Таким образом, мы можем сказать, что проблема, вокруг которой строится наше исследование – проблема субъективности в восприятии, отражающейся в представлениях о паранормальном.

Теоретические основания и постановка проблемы исследования

Выше мы отметили, что в российской научной традиции проблема паранормальных представлений вообще и призрачных феноменов в частности практически не затрагивается. Однако в зарубежной психологии этому вопросу уделяется определенное внимание. Среди крупнейших работ мы

можем отметить коллективную монографию “Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence” («Многообразие аномального опыта: изучение научных данных»), изданную Американской Психологической Ассоциацией (Cardeña, Lynn, & Krippner, 2000), и более поздние монографии Г. Ирвина (Irwin, 2009), К. Френча и А. Стоуна (French & Stone, 2013), посвященные комплексному освещению подходов к паранормальной проблематике, а также целый ряд адресных исследований. Все эти исследователи отмечали, что феномен паранормальных переживаний включает в себя две взаимосвязанных проблемы: проблему нейропсихологических особенностей этих переживаний и проблему социокультурной индоктринированности, лежащей в основе этих переживаний и формирующей образы, в которых такие переживания проявляются. Так, например, Г. Ирвин приводит обширный обзор исследований, посвященных выявлению корреляций между различными психическими патологиями и распространенностью веры в паранормальное (как в целом, так и в отдельные феномены), но при этом отмечает, что существует определенный дефицит исследований, рассматривающих именно культурно-исторические основания подобных идей (Irwin, 2009, p. 23). Аналогична позиция К. Френча и А. Стоуна, отмечавших недостаточную исследовательскую активность именно в вопросе формирования своеобразного «образно-символического ядра», лежащего в основе паранормальных идей (French & Stone, 2013, pp. 163, 165).

Исследования в области экспериментальной психологии показывают два важнейших аспекта. Во-первых, в них находят подтверждение высказанная нами выше идея того, что возможность восприятия призрачного феномена тесно связана с конкретной локацией. Во-вторых, исследования демонстрируют зависимость восприятия призрачного феномена от информации, связанной с конкретной локацией. Так, Р. Ланге (Lange) и Дж. Хауран (Houran) приводят данные эксперимента, в котором группа из 22 человек посетила несколько локаций. Половине участников эксперимента сообщили, что в местах, где они находились, присутствуют призраки. Другой половине сообщили о длительном ремонте здания. Результаты эксперимента показали, что те, кому сообщили о том, что в зданиях присутствуют призраки, оказались склонны сообщать о паранормальных переживаниях во время посещения этих зданий (Lange & Houran, 1997). Близкие результаты продемонстрировали и два эксперимента, проведенные Р. Вайсманом (Wiseman & Watt et al, 2003).

Интересные параллели с этими данными мы можем увидеть и у В. М. Бехтерева. В его работе «Внушение и его роль в общественной жизни» описаны два случая, которые исключительно близки к объекту нашего внимания: это случай с видениями Серафима Саровского в колодце (Бехтерев, 1908, с. 51) и «черной женщиной» Габсбургского дома (Бехтерев, 1908, с. 55). Если первый случай с трудом может быть трактован как призрачный феномен, то второй непосредственно попадает под классические описания подобных явлений. Более того, В. М. Бехтерев делает исключительно важное замечание, подчеркивающее актуальность нашего исследования. По его мнению, крити-

чески значимыми факторами для развития внушенного состояния и связанных с ним феноменов являются как состояние и особенности лица, воспринимающего информацию, так и сама информация, провоцирующая внушенное состояние, в том числе и ее историко-культурный контекст (Бехтерев, 1908, с. 10).

Таким образом, мы можем выдвинуть предположение о том, что представление паранормальных идей в форме призрачных феноменов является в определенной степени индуцированным. Исследования приводят нас к выводу о том, что на появление сообщения о присутствии призрака в каком-либо месте одновременно влияет несколько факторов:

1. Присутствие в сознании воспринимающего идеи существования призраков, наличие специфической «психологической готовности» (Irwin, 2009, p. 11-12).
2. Наличие информации о том, что в конкретном месте может существовать призрак.
3. Сама специфика места, выступающего в качестве места локализации феномена.

Если вопрос о специфике и особенностях психологической готовности к восприятию подобных феноменов уже неоднократно становился предметом внимания исследователей (Baker, 1996; Irwin, 2009; French & Stone, 2013; Klemperer, 1992; Leudar & Thomas, 2005; Marks, 1988; McCorristine, 2010), то вопросы о том, как влияет на формирование этого когнитивного феномена собственно информационная обеспеченность и особенности конкретной локации (то есть фактор среды) – остаются в большей степени гипотезами. Именно на них мы сосредоточимся в дальнейшем.

Мы можем принять как факт, что призрачные феномены являются следствием своеобразного «коллективного соглашения», присутствующей в общественном сознании идеи о том, что такие феномены в принципе допустимы. Эта идея является одной из стартовых позиций для В. М. Бехтерева (Бехтерев 1908, с. 7, 10); ее же отмечают уже в контексте паранормального Г. Ирвин (Irwin, 2009, p. 9), К. Френч (French & Stone, 2013, p. 163) и Д. Маркс (Marks, 1988, p. 337). Однако, если в случаях, описанных В. М. Бехтеревым (Бехтерев, 1908, с. 51, 55), можно говорить о формировании такого «соглашения» при очном контакте (то есть посредством прямой индукции, выражаясь его же терминологией), что особенно ярко показывают примеры с видениями Серафима Саровского или религиозными видениями во время исторических сражений (Бехтерев, 1908, с. 49), то что может стать основанием для подобного «информационного соглашения» сейчас?

Мы можем признать, что современный мир обладает намного более насыщенными и многообразными каналами передачи информации – и мы можем допустить, что именно эти каналы информации и становятся основанием для подобного «коллективного соглашения».

Еще в 1940-х годах американские фольклористы (Hankey, 1942; Jones, 1944) отмечали существенно возросшее количество сообщений о призраках в связи с повышением интереса СМИ к этой проблематике. Позднейшие исследования уже с позиции психологии лишь подтверждают это (Bartholomew, 2001; French & Stone, 2013; Irwin, 2009; Preece & Baxter, 2000, Sperber, 1990), обращая внимание не только на деятельность СМИ, но и на влияние сети Интернет. Таким образом, мы видим, что для современности ключевым агентом влияния в случае с паранормальными убеждениями являются медиа. И это подводит нас к основной исследовательской проблеме нашего исследования: если медиа формируют «коллективное согласие» вокруг паранормальных убеждений, – как они обуславливают присутствие призрачных феноменов в окружающей действительности? Или, точнее – вокруг каких локаций медиа формируют «призрачный дискурс»?

Таким образом, задачей данной статьи становится выявление распространенности призрачных феноменов в зависимости от свойств мест локализации этих феноменов.

Безусловно, этот вопрос не является исчерпывающим, и в данном контексте может представлять интерес также возможная культурно-историческая связь, формируемая между призрачным феноменом и локацией. В силу объема материалов по этому вопросу мы вынуждены опустить его в работе и рассмотреть в отдельных адресных публикациях.

Методика исследования

Для исследования особенностей распространения представлений о паранормальном и сверхъестественном в форме идеи призрака нами было принято решение обратиться к данным, предлагаемым СМИ. Нами была сформирована выборка сообщений СМИ, которая в общей сложности насчитывает 564 единицы. Она была получена методикой контекстного поиска по материалам СМИ, представленным в сети Интернет. Включенные в выборку сообщения и первичные аналитические данные размещены в открытом репозитории OSF¹.

Отобранные нами сообщения относятся к 2000–2021 годам. Хронологическое ограничение обусловлено самой спецификой источников – материалы более раннего периода практически не представлены в сети Интернет в качестве самостоятельных информационных единиц. Территориальное ограничение для отбираемых источников – Российская Федерация.

Дальнейшая обработка выборки осуществлялась при помощи методики контент-анализа данных СМИ, подробно описанной М. М. Назаровым (Назаров, 2004, с. 217). В ходе обработки сообщения были сгруппированы по принципам локализации описываемого феномена и особенностей проявлений, согласно задачам, установленным для данного исследования.

1 Материалы доступны по следующей ссылке: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/J68FT>

Необходимо отметить, что схожая с нашей методика работы в области исследования паранормальных феноменов уже практиковалась зарубежными специалистами – например, в работах Б. Эллис (Ellis, 2001; Ellis, 2014), однако применялась она без опоры на широкую выборку, источниками для анализа были отдельные тематические кейсы.

Отталкиваясь от всех приведенных позиций, мы можем считать источниковую базу репрезентативной для целей исследования, а выборку – полноценной и удовлетворяющей задачам исследования.

Вопрос о трактовке сообщений СМИ мы предпочтем решать по принципу прямого рассмотрения сообщения как условной фактической данности. Отталкиваясь от позиции М. М. Назарова, по мнению которого, в подобных источниках «смысл сообщения относительно просто может быть восстановлен из него самого» (Назаров, 2004, с. 218), в данном исследовании мы принимаем сообщение о призраке в качестве конкретного социального факта и допускаем его трактовку исключительно в рамках данных, заявленных в самом сообщении. Таким образом, составляющие нашу выборку материалы СМИ мы считаем сообщениями о присутствии в определенной локации воспринимаемого призрачного феномена. Этот подход уже применялся в собственно психологических исследованиях: например, в методике анализа функционального содержания слухов и городских легенд, предложенной Б. Герином и Й. Миязаки (Guerin & Miyazaki, 2006).

Эмпирические данные исследования и их трактовка

Первое, что мы можем отметить при рассмотрении нашей выборки – распределение призрачных феноменов по двум локализациям: городской (очень выраженное) и сельской местности. Данные по распределению приведены ниже в таблице 1.

Локализация	Количество	Процент
Городская местность	411	73
Сельская местность	153	27
Всего	564	100

Таблица 1. Распределение призрачных феноменов по основным локализациям

Table 1. Distribution of Phantom Phenomena Across Primary Localizations

Существенный количественный перевес в пользу городской местности мы предлагаем объяснить тремя факторами.

1. Городская среда является в наибольшей степени вовлеченной в деятельность человека в современном мире, и в большей степени подвергается

рефлексии в рамках повседневной жизни – в том числе и с определенной мифологизацией. Саму городскую культуру можно считать во многом виртуальной и массовой – и она с легкостью воспринимает и воспроизводит элементы разнообразных дискурсов и культурных практик.

2. Сельская местность, в свою очередь, в большей степени сохраняет традиционную культуру – и для мифологизации сельского пространства характерны в большей степени элементы, являющиеся продолжением традиционного фольклора. Во время работы над сбором материалов для этой статьи мы неоднократно встречали в рамках медийного дискурса паранормального разнообразные упоминания о леших, русалках, водяных и прочих природных духах, которые широко представлены в традиционной культуре. Призрачные феномены представляются в этом случае в большей степени заимствованными из других культурных традиций.
3. Сельская местность в меньшей степени включена в современную модель взаимодействий – и, как следствие, гипотетическая возможность наблюдения паранормальных явлений в ее рамках меньше. Это обуславливает и объем рассматриваемых сообщений.

Мы также можем упомянуть позиции специалистов, уже рассматривающих данный феномен. Так, о тесной связи сообщений о призраках с городской культурой писали С. Пайл (Pile, 2005), Т. Эденсор (Edensor, 2005) и Дж. Холлоуэй (Holloway & Kneale, 2008). С. Пайл, например, отмечал, что города являются образцовыми «местами с привидениями», так как среда города является по сути анонимным, но очень заряженным пространством (Pile, 2017).

«Призрачной стороне» отдельных городов посвящены монографии, однако психологический компонент этого феномена, несмотря на его существенную значимость, не исследовался прежде.

Дальнейшее рассмотрение количественных данных требует обращения к тому, по каким локализациям распределяются внутри каждой из категорий (городская и сельская местность) призрачные феномены.

Приступим к рассмотрению городской местности. Количественные данные по локализации призрачных феноменов приведены ниже в таблице 2.

Локализация	Количество случаев	%
Постройки	277	67
Публичные пространства	101	25
Сакральные пространства ¹	33	8
Всего	411	100

Таблица 2. Локализация призрачных феноменов в городской местности

Table 2. Localization of Phantom Phenomena in Urban Areas

Здесь мы можем видеть существенное преобладание сообщений о призрачных феноменах, локализованных в постройках. Мы можем предположить, что подобная ситуация связана с тем, что призрак традиционно воспринимается как форма посмертного существования человека (Baker & Bader, 2014, p. 570), и в таком контексте он может ассоциативно относиться к месту, которое принято воспринимать как обычное для пребывания человека – то есть постройке. Вместе с этим интерес представляют и случаи сообщения о призрачных феноменах вне построек. Рассмотрим более подробно особенности каждой из категорий, полученные при анализе нашей выборки.

Обратимся к локализации призраков в постройках. В данном случае четко выделяется две особенности построек, связанные с временем их создания: это постройки, для которых в сообщении делается акцент на их историческом статусе, и неисторические постройки².

При таком разделении мы обнаружили следующее количественное соотношение:

- исторические постройки – 190 случаев;
- неисторические постройки – 87 случаев.

Как мы можем видеть, исторические постройки существенно преобладают в качестве локализации для призрака.

По нашему мнению, подобное распределение уже может отчасти объяснить формирование концепта призрака: как отмечают исследователи, сам

1 В категорию «сакральные пространства» включены объекты, основное функциональное предназначение которых связано с религией и сопутствующими ритуальными целями – такие как храмы или кладбища. По нашему мнению, выделение таких объектов в отдельную категорию имеет значение, так как в данном случае представления о паранормальном в виде призрака оказываются реализуемы в среде, которая функционально адресована к близким, сверхъестественным идеям. Более подробно вопрос о призраке, локализуемом в месте с сакральным статусом, представлен ниже, в Таблице 8.

2 Основным критерием разделения на исторические и неисторические постройки стало время создания постройки. В данном случае мы опирались на формальные критерии – так, например, Письмо Министерства культуры РФ от 28 февраля 2017 г. N 49-01.1-39-НМ «О методических рекомендациях по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места» прямо приводит в числе критериев исторического сооружения возраст не менее пятидесяти лет от момента рассмотрения и отсутствие типового характера постройки.

статус «исторического места» способствует его мифологизации, в том числе и «призрачной» (Inglis & Holmes, 2003). Мы предполагаем, что это может быть своеобразным способом рефлексии восприятия исторического пространства: само по себе старое здание может вызывать большее количество эмоций, если дополнить его присутствующим до сих пор паранормальным артефактом. Это может подтверждать результаты эксперимента Р. Ланге, о которых мы говорили выше.

Одновременно с этим для понимания мотивов, лежащих в основе формирования призрачного феномена, мы считаем необходимым обратиться к вопросу о текущем статусе построек.

Характер здания	Исторические постройки N = 190	Неисторические постройки N = 87
Жилое	3 (2 %N)	37 (41 %N)
Музей	70 (37 %N)	3 (3 %N)
Учреждение сферы культуры ¹	18 (10 %N)	11 (13 %N)
Научное или образовательное учреждение	17 (9 %N)	2 (3 %N)
Учреждение органов власти	10 (5 %N)	5 (6 %N)
Учреждение сферы услуг ²	21 (11 %N)	14 (16 %N)
Учреждения здравоохранения	10 (5 %N)	6 (7 %N)
Заброшенные и неиспользуемые здания	21 (11 %N)	2 (3 %N)
Производственные здания	3 (2 %N)	7 (8 %N)
Текущее использование не установлено	17 (8 %N)	0

Таблица 3. Текущий статус исторических и неисторических построек, которым приписывается присутствие призрака

Table 3. Current Status of Historical and Non-historical Buildings Attributed with Ghostly Presence

- 1 В этой категории рассматриваются такие объекты, как библиотеки или архивы – то есть организации, оказывающие влияние на культурную сферу, но при этом, в отличие от музеев, не делающие основным акцентом своей деятельности именно публичную демонстрацию хранящихся в них объектов. Мы приняли решение выделить такие объекты в отдельную категорию в связи с тем, что, по мнению некоторых исследователей (Inglis & Holmes, 2003, p. 51), музейные учреждения сами в определенной степени заинтересованы в появлении в них «призрака». Как мы можем видеть даже в количественных данных в таблице 3, между музеями и прочими учреждениями культуры присутствует заметное количественное расхождение, что говорит в пользу этой идеи.
- 2 В категорию «учреждение сферы услуг» включены заведения торговли и социально-бытового обслуживания, функционал которых не попадает под другие категории.

Приведенные данные показывают несколько выраженных расхождений. Так, мы можем видеть, что среди жилых зданий в качестве локации для призрака преобладают неисторические. Здесь мы можем видеть два объяснения. Первое – это сравнительно нечастую (по сравнению с массовым жилым строительством) практику использования исторических зданий как жилых. Второе – как показывают данные более детальных исследований, которые мы продемонстрируем позднее, нередко призраки в жилых зданиях привязываются не к самому зданию, а к объектам, размещавшимся на месте его постройки.

Расхождение, связанное с музеями (особенно показательные данные) и научными и образовательными учреждениями могут быть объяснены, напротив, частой практикой приспособления исторической постройки под музейные или аналогичные цели. Более того, подобное развитие событий может быть даже в определенной степени выгодно для музея: так, мы можем отметить ряд случаев, в которых присутствие призрака становится дополнительной достопримечательностью. Аналогичная ситуация отмечалась и другими исследователями (Holloway & Kneale, 2008; Inglis & Holmes, 2003).

Для полноты демонстрируемых нами данных мы приведем несколько кратких примеров сообщений о призраках из нашей выборки для каждой из категорий. Эти примеры являются в определенной степени типичными и отражают особенности сложившегося в СМИ дискурса паранормального.

Так, проявления призрачных феноменов в неисторическом жилом здании может ярко характеризовать следующий пример:

«На месте дома ранее находился храм Архангела Михаила. После революции его разобрали на кирпичи, причем часть кирпича была использована под строительство здания. Когда дом стали газифицировать, то обнаружили склеп с гробом священника. Оказалось, что здание построено на бывшем церковном кладбище. Жители квартир видят фигуры священников в черных одеждах»¹.

Здесь мы можем видеть, как причина появления призрака ярко вплетается в исторический контекст здания: присутствует мотив разрушенной церкви и уничтоженного церковного кладбища, что становится поводом для фиксации призраков в виде фигур священников. Этот пример очень хорошо иллюстрирует тезис о том, что в виде призрака может присутствовать специфическая форма реализации историко-культурной памяти. Другой пример появления призрака в неисторическом жилом здании связывается с призраком мужчины, убитого на рынке, на месте которого построен жилой дом – и в этом примере также мы можем видеть своеобразную «преемственность»: новостройка «наследует» призрака от предшествовавшего сооружения².

1 Дом с привидениями в Калуге показали на федеральном канале // МК-Калуга. 30.03.2021. Электронный ресурс: <https://www.mkkaluga.ru/video/2021/03/30/dom-s-privideniyami-v-kaluge-pokazali-na-federalnom-kanale.html> (дата обращения: 21.06.2023)

2 Аномальное место: городские легенды современного Новгорода // ВНовгороде.ру. 27.08.2018. Электронный ресурс: <https://vnovgorode.ru/interesnye-materialy/18814-anomalnoe-mesto-gorodskie-legendy-sovremennogo-novgoroda.html> (дата обращения: 21.06.2023)

Ярким примером проявления призрака в музейном пространстве может быть случай в музее С. А. Есенина в Москве. «Сотрудники музея Есенина говорят, что центр терроризирует привидение неизвестного мужчины. Работникам учреждения удалось заснять призрак, разгуливающий по территории центра. Свидетели утверждают, что после окончания экскурсий и закрытия музея в здании раздаются непонятные шаги, с полок и шкафов неожиданно падают книги»¹, – сообщают материалы об этих событиях. Интересен тот факт, что эти события стали объектом широкого медийного освещения, включая пресс-конференцию руководства музея², а также критические публикации³. Этот случай наглядно демонстрирует, что идея паранормального присутствия может стать интересным и нетривиальным инфоповодом для повышения медийного внимания к музейному объекту – и, как следствие, привлечь к нему новых посетителей.

Проиллюстрировать то, как призрачный феномен проявляется в образовательном учреждении, мы можем следующим примером. «Девочка была отличницей, но, когда сдавала экзамен, ее завалили. И она, не справившись с горем, решила броситься в Амур с баяном. С тех пор по колледжу ходит легенда о девочке, и тем, кто засиживается допоздна в колледже, мерещатся звуки играющего баяна. Даже моя одноклассница на первом курсе говорила, что слышала», – сообщают о призраке в здании педагогического колледжа в Благовещенске⁴. Мы можем видеть, что в данном случае бывшая ученица возвращается в виде призрака в заведение, сыгравшее в ее судьбе значимую и в некоторой степени роковую роль – что подтверждает тезис о том, что в формировании концепта призрака, помимо функции среды, играет роль и эмоциональная насыщенность связанных с ней событий.

К сожалению, формат научной статьи в силу ограниченного объема не позволяет нам приводить большое количество примеров, однако мы надеемся, что показанные нами выше случаи позволят читателю составить представление о некоторых особенностях медийного представления призрачных феноменов. Напомним, что исчерпывающий объем примеров, составивший выборку источников для данного исследования, приведен в открытом репозитории, ссылка на который размещена в начале данной статьи.

Мы видим, что ряд категорий показывает количественно близкие данные для исторических и неисторических зданий. К таковым можно отнести учреждения культуры, сферы услуг, здравоохранения или органов власти. Можно

- 1 Призрак мужчины засняли сотрудники музея Есенина // UssurMedia. 20.07.2019. Электронный ресурс: <https://ussurmedia.ru/news/834604/> (дата обращения: 21.06.2023)
- 2 Призрак Сергея Есенина напугал охрану музея в Москве // Комсомольская правда. 22.07.2019. Электронный ресурс: <https://www.kp.ru/daily/27005/4067430/> (дата обращения: 21.06.2023)
- 3 Призрак бродит по музею: зачем сочиняются мифы // Театрал. 12.10.2019. Электронный ресурс: <https://teatral-online.ru/news/25413/> (дата обращения: 21.06.2023)
- 4 Ужасы нашего городка: АСН24 собрала благовещенские страшилки // АСН24. 2.11.2015. Электронный ресурс: <https://asn24.ru/news/society/14858/> (дата обращения: 21.06.2023)

предположить, что в данном случае показатели в большей степени связаны с предшествующим использованием здания (для исторических построек) или местом постройки (для неисторических), которые «наследуют» свойства от исторического контекста. Это предположение мы предпочтем проиллюстрировать следующей таблицей. Для удобства отображения мы совместим эти категории в одну для рассмотрения и проведем рассмотрение по приписываемым характеристикам — с оговоркой лишь на исторический или неисторический характер здания. Данные представлены в таблице 4.

Причина появления призрака	Исторические здания	Неисторические здания
Место смерти	22 (37%)	14 (39%)
Место жизни	9 (15%)	0
Место работы	7 (12%)	4 (11%)
Связь с предшествовавшим постройке использованием территории	2 (3%)	14 (39%)
Использование постройки в рамках политических репрессий начала XX века	6 (10%)	5 (14%)
Причина неизвестна	12 (20%)	0
Всего	59 (100%)	36 (100%)

Таблица 4. Зависимость приписываемой локализации призрака для учреждений культуры, сферы услуг, здравоохранения и органов власти в зависимости от типа здания

Table 4. Dependency of Attributed Ghostly Localizations for Cultural Institutions, Service Sectors, Healthcare Facilities, and Government Bodies Based on Building Type

Так, мы можем видеть, что категория «место жизни» оказывается не задействована для неисторических зданий — что с учетом их специфики в рамках выбранных групп абсолютно объяснимо; для исторических же зданий это говорит о приспособлении под новое использование бывших жилых зданий. Аспект связи с предшествовавшим использованием территории существенно более выражен для неисторических зданий — и в этих случаях преобладают сообщения, связанные с использованием для застройки территорий кладбищ и аналогичных сакральных мест. В этих данных можно видеть дополнительное подтверждение тому, что в рамках концепта призрака месту погребения приписываются исключительные свойства вопреки народной традиции.

Неизвестность причины локализации призрака в неисторическом здании также может быть объяснена через саму сущность здания, о котором в силу времени присутствует больше информации. Если прошлое исторического здания может быть отчасти загадочным (что отражают данные), то неисторическое здание обладает «открытой» историей, которая может не включать в себя

белых пятен. Более того, неисторическое здание может просто не «накопить» достаточного объема связанных с ними воспоминаний, которые могли бы реализоваться через концепт призрака. Категории, связанные с местом смерти, местом работы и использованием постройки в рамках политических репрессий начала XX века показывают близкие количественные данные, что подтверждает высказанное нами выше предположение.

Количественные данные по сообщениям о призрачных феноменах в публичных пространствах представлены в таблице 5.

Локализация	Количество случаев	%
Уличные пространства	65	64
Парковые пространства	26	26
Объекты транспортной инфраструктуры	10	10
Всего	101	100

Таблица 5. Локализация призрачных феноменов в публичных пространствах

Table 5. Localization of Phantom Phenomena in Public Spaces

По нашему мнению, для анализа этих случаев также следует обратить внимание на вопрос о причине появления призрачного феномена.

Причина	Уличные пространства, количество сообщений, N = 65	Парковые пространства, количество сообщений, N = 26	Объекты транспортной инфраструктуры, количество сообщений, N = 10
Место смерти	23	9	3
Место работы, размещенное в пространстве или расположенное поблизости	15	4	1
Место жизни, расположенное поблизости от пространства	12	3	1
Место бывшего кладбища или погребения	15	10	1
Иные причины	0	0	4

Таблица 6. Причины появления призрачного феномена в публичном пространстве

Table 6. Causes of Phantom Phenomena Emergence in Public Spaces

В таблице 6 мы видим, что наиболее выраженной причиной для всех трех локализаций является место смерти, что требует отдельного внимания. Вместе

с этим, существенное увеличение количества сообщений для места работы и места жизни в категории уличных пространств связано с тем, что парковые пространства или объекты транспортной инфраструктуры по сути своей исключаются из такой деятельности, как работа или проживание.

Вместе с этим количественные данные ярко показывают локализацию призрака в контексте бывших (уничтоженных) кладбищ. Этот парадокс может быть рассмотрен как своеобразный элемент культурной памяти — в данном случае, памяти об изменившемся облике города и событиях, связанных с этими изменениями (Воробьева, 2020).

Обратимся к вопросу о причинах смерти. Данные представлены ниже в таблице 7.

Причина	Уличные пространства N = 23	Парковые пространства N = 9	Объекты транспортной инфраструктуры N = 3
Убийство	11	2	0
Самоубийство	5	3	0
Боевые действия	3	0	0
Техногенная катастрофа	2	0	3
Иные причины	2 случая: террористический акт	2 случая: места массовых расстрелов; 1 случай: жестокость по отношению к крепостным крестьянам; 1 случай: смерть по неизвестным причинам.	0

Таблица 7. Соотношение причин смерти в контексте призрака

Table 7. Correlation of Causes of Death in the Context of Phantom Manifestations

Мы можем видеть, что случаи, вынесенные в раздел «иные причины», предлагают достаточно большую широту трактовок, однако ярко выражаются аспекты, связанные с событиями, которым в современной традиции принято приписывать статус «коллективной травмы», такими как войны и террористические акты. Вместе с этим важно отметить, что сразу четыре эпизода связываются с событиями Великой Отечественной войны, и реализация в СМИ концепта призрака в связи с подобными событиями уже становилась предметом внимания исследователей (ван Хааске, 2021).

Рассмотрим теперь такую локализацию призрака в городском пространстве, как места с сакральным статусом. Это наиболее малочисленная

категория, и вместе с тем наиболее противоречивая, так как с точки зрения христианской традиции места с сакральным статусом, то есть освященная земля (храмы, монастыри, кладбища), лишены возможности проявления на них каких-либо паранормальных свойств и сущностей, что активно проявляется в том числе и в фольклоре (Зеленин, 2021, с. 73–76).

Рассмотрим теперь количественные данные по случаям локализации призраков в местах с сакральным статусом, представленные в таблице 8.

Локализация	Количество случаев	%
Кладбища, в том числе по причине:	26	79
– причина не указана,	8	
– связь с неуточненным захоронением на данном кладбище,	6	
– связь с захоронением конкретного человека,	4	
– связь со спецификой конкретного кладбища.	4	
Храмы и монастыри, в том числе по причине:	7	21
– произошедшая в храме смерть,	4	
– использование монастыря в качестве места лишения свободы,	2	
– предполагаемая реакция на смену назначения,	1	
– причина не указана.	1	
Всего	33	100

Таблица 8. Локализация призрачных феноменов в местах сакрального статуса, включая причины

Table 8. Localization of Phantom Phenomena in Sacred Sites, Including Causes

Следует отметить, что в ряде случаев события, связываемые с реализацией концепта призрака, являются вполне достоверными историческими фактами — например, появлением конкретной исторической персоны на месте ее деятельности. Мы можем видеть в этих фактах своеобразную модель мемориализации события или персоны через призрака, присутствие которого иллюстрирует собой исторические факты.

Случаи связи призрака с неуточненным захоронением в рамках данного кладбища или неуточненной причины появления призрака на кладбище достаточно близки по основным элементам: чаще всего здесь идет речь об абстрактных образах, наблюдаемых рядом с могилами или перемещающихся по кладбищу. Такие случаи мы можем отнести в большей степени к специфическому образу кладбища как места сосредоточения потусторонних

и сверхъестественных сил, который имеется как в традиционных представлениях (Кожевников, 2020) или городских легендах (Смирнов, 2016), так и активно усиливается массовой хоррор-культурой (Куликова, 2021).

Случаи, в которых причиной для появления призрака называется специфика конкретного кладбища, во всех случаях связаны с событиями Великой Отечественной войны — братскими захоронениями расстрелянных мирных жителей. Эти случаи вписываются в связь между призраком и травматическими событиями на месте его появления, которую мы уже отмечали.

Чтобы составить полную картину того, как реализуется концепт призрака в пространстве, нам необходимо обратить внимание на вторую крупную часть нашей выборки: это случаи, локализованные в сельской местности. Количественные данные по ним приведены в таблице 9.

Локация	Количество случаев	%
Усадебные ансамбли	35	23
В связи с природными объектами (водоемы, леса)	31	20
Дороги	25	16
Места боевых действий	19	12
Окрестности поселения	18	12
Поселение	10	7
Прочие пространства	15	10
Всего	153	100

Таблица 9. Локализация призрачных феноменов в сельской местности

Table 9. Localization of Phantom Phenomena in Rural Areas

Наибольшее количество сообщений связано с усадебными ансамблями. Это не является исключительным, так как образ помещичьей усадьбы как места, связанного с призрачными явлениями или имеющего особенный потенциал в контексте культурной памяти, давно оформился в качестве культурного феномена, и этому посвящены адресные крупные публикации (Волков, 2014). Подобные случаи по своему характеру обладают достаточно выраженной близостью к случаям, связанным с историческими зданиями в городах.

Большое количество сообщений связано также с привязкой к природным объектам — и мы можем признать, что существенная часть этих сообщений является приведением в рамках медийного текста местных легенд и быличек, то есть вырастает непосредственно из традиционной культуры. Малая выраженность концепта призрака в пространстве поселения в сельской местности, в свою очередь, связана, с нашей точки зрения, с отсутствием в таких рамках

традиционных «мест локализации» призрака: исторических построек или пространств, которые могут быть носителями стойкой культурной памяти.

Под случаями внутри поселения, имеющими выраженный исторический характер, мы понимаем ситуацию, когда в сообщении повторение событий прошлого прямо называется причиной появления призрака, или когда в качестве призрака именуется конкретная личность. Подобные случаи мы предлагаем считать специфическими формами исторической и культурной памяти. Необходимо отметить, что подобная трактовка разделяется и другими исследователями призрачных феноменов (Inglis & Holmes, 2003).

Как случаи, имеющие выраженный легендарный характер, мы охарактеризовали сообщения, которые обнаруживают исключительную близость с традиционными фольклорными быличками, однако оказываются вписанными в гипертекст сообщений о сверхъестественном или непосредственно характеризуются как проявления призрака. Подобных случаев мы выделили три, и все они связаны с историями о самоубийствах. Такие случаи мы предлагаем считать воспроизводством в рамках призрачного дискурса элементов традиционной мифологической культуры.

Для сообщений о призраках на территории заброшенной военной части неподалеку от Перми и на туристической базе в районе Читы какие-либо причины их появления не называются, что делает крайне затруднительным их рассмотрение. Информация о них присутствует сама по себе, делая акцент только на паранормальном характере феномена. Такие случаи, по нашему мнению, являются исключительно значимыми для исследования, так как они фактически предлагают модель появления призрака «из ниоткуда», то есть в условиях отсутствия выраженных предпосылок для него. Здесь мы можем обратиться вновь к экспериментам Р. Ланге и Дж. Хаурана (Lange & Houran, 1997) и Р. Вайсмана (Wiseman & Watt et al, 2003), где люди сообщали о призраках, имея предварительно информацию о возможности их появления. В случаях наблюдения призраков в исторических местах или местах, обладающих специфическим статусом, сопряженным с идеями сверхъестественного (например, кладбищах), мы можем признать возможность наличия у наблюдателей идеи допустимости присутствия призрака в этом месте. В случае заброшенной военной части или туристической базы мы можем исключить подобные идеи или признать их в меньшей степени вероятными.

Это подводит нас к предположению о том, что сообщения о призраках могут быть в определенной степени индуцированы, и предложить следующие факторы, которые могут приводить к такому развитию событий. Такими факторами могут стать:

1. Наличие в сознании воспринимающего идеи возможного существования призрака вообще (в отрыве от конкретной локации).

2. Наличие определенных свойств самой локации, которые могут способствовать восприятию определенных явлений как призрачных (например, лесная местность, заброшенные здания, кладбища).
3. Наличие определенных внешних факторов, под действием которых свойства локации могут быть восприняты как призрачные (например, особенности освещения, туман).

Можно предположить, что сочетание этих факторов и «создает» призрака. Однако это предположение с трудом реализуемо для случая на туристической базе в Чите, где проявление призрака оказалось обнаружено на фотографии. Впрочем, мы не можем исключать попадание в кадр случайного человека и его дальнейшую трактовку как проявление призрачного феномена. Возможно, на определенный дефект снимка, или присутствие в кадре постороннего, не было бы обращено внимание – если бы рассматривающие снимок не допускали возможность существования призрачного феномена. Здесь мы можем обнаружить параллель со схожим явлением из области паранормального – средневековой верой в оборотней, для которой современниками отмечалось, что оборотни существуют лишь потому, что о них говорят, и нет ни единого случая точного подтверждения существования оборотней (ван Хааске, 2014).

Заключение

Приведенные нами данные позволяют предложить общую модель, лежащую в основании медийных сообщений о призраках. По нашему мнению, ведущую роль в сообщениях такого рода играет наличие в общественном сознании самой идеи призрака, который может появляться в связи со свойствами какого-либо места. Эта идея является следствием концепций В. М. Бехтерева, оформившего саму возможность трактовки паранормальных явлений через внушенность состояний, и она подтверждается экспериментами исследователей (Lange & Houran, 1997; Wiseman & Watt et al, 2003).

Исключительно важным дополнением к этому мы можем считать собственно позицию В. М. Бехтерева, отмечавшего, что сущность внушения заключается не столько во внешних особенностях, сколько в особом отношении субъекта к воспринимаемой информации (Бехтерев, 1908, с. 10). Рассмотренные нами призрачные феномены мы можем трактовать в том числе и через эту идею. В такой трактовке внешними особенностями, оказывающими влияние на формирование призрачного образа, становятся именно особенности локации. В свою очередь внутреннее отношение субъекта может формироваться как свойствами самой локации (то есть, знаниями о ее историческом или культурном значении), так и медийным фоном, который может проецировать в общественное сознание возможность существования паранормальных явлений.

Таким образом, можно говорить о том, что в целом сообщения СМИ о призраках можно считать следствием своеобразного взаимодействия как представлений о паранормальном, так и восприятия конкретной локации, в которой наблюдается призрак. При этом для некоторых локаций подобная логика приобретает свои особенности.

Так, например, оформление призрака через обращение к истории конкретного места или исторической личности можно считать своеобразной формой исторической памяти. В данном случае призрак «создает» своеобразное «посмертное присутствие» конкретной личности или подчеркивает историческое значение постройки. Эта идея совпадает с мнением Д. Инглиса о том, что музеи в определенной степени «нуждаются» в призраках для создания дополнительной достопримечательности (Inglis & Holmes, 2003, p. 51).

Весьма показательными являются случаи сообщений о призраках в местностях, связанных с трагическими и драматическими событиями, такими как деятельность репрессивных органов, боевые действия или преступления. Приведенные нами данные дают возможность говорить о том, что в этих случаях в сообщениях о паранормальном опыте реализуется своеобразная коллективная память: призрак становится олицетворением связанного с местом травматического события.

В ряде случаев, особенно локализованных в сельской местности, мы можем обнаружить близость или прямое заимствование используемой для призрачной образности модели из традиционной культуры. Это не вызывает удивления и может рассматриваться как своеобразная культурная адаптация.

Вместе с этим мы можем видеть, что в ряде локаций призрачные феномены в принципе не отмечаются. Это подтверждает гипотезу о тесной связи между собственно призрачным феноменом и возможным восприятием локации.

Список литературы

- Baker, J. O., & Bader, C. D. (2014). A social anthropology of ghosts in twenty-first-century America. *Social Compass*, 61(4), 569–593. <https://doi.org/10.1177/0037768614547337>
- Baker, R. (1996). *Hidden Memories: Voices and Visions from Within*. Prometheus Books.
- Bartholomew, R. E. (2001). *Little green men, meowing nuns and head-hunting panics: A study of mass psychogenic illness and social delusion*. McFarland.
- Bell, M. M. (1997). The ghosts of place. *Theory and Society*, 26(6), 813–836. <https://doi.org/10.1023/A:1006888230610>
- Cardena, E., Lynn, S. J., & Krippner, S. (2000). *Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence*. American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10371-000>

- Edensor, T. (2005). The ghosts of industrial ruins: Ordering and disordering memory in excessive space. *Environment and Planning d: Society and Space*, 23(6), 829–849. <https://doi.org/10.1068/d58j>
- Ellis, B. (2000). *Aliens, Ghosts, and Cults: Legends We Live*. University Press of Mississippi.
- Ellis, B. (2014). *Raising the devil: Satanism, new religions, and the media*. University Press of Kentucky.
- French, C. C., & Stone, A. (2013). *Anomalistic Psychology: Exploring Paranormal Belief and Experience*. Red Globe Press.
- Gordon, A. (1997). *Ghostly Matters: Haunting and the sociological imagination*. University of Minnesota Press.
- Guerin, B., & Miyazaki, Y. (2006). Analyzing rumors, gossip, and urban legends through their conversational properties. *The Psychological Record*, 56(1), 23–33. <https://doi.org/10.1007/BF03395535>
- Hankey, R. (1942). California ghosts. *California Folklore Quarterly*, 1(2), 155–177. <https://doi.org/10.2307/1495482>
- Holloway, J., & Kneale, J. (2008). Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3), 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>
- Inglis, D., & Holmes, M. (2003). Highland and other haunts: Ghosts in Scottish tourism. *Annals of Tourism Research*, 30(1), 50–63. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(02\)00031-2](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(02)00031-2)
- Irwin, H. J. (2009). *The psychology of paranormal belief: A researcher's handbook*. University of Hertfordshire Press.
- Jones, L. C. (1944). The ghosts of New York: An analytical study. *The Journal of American Folklore*, 57(226), 237–254. <https://doi.org/10.2307/535356>
- Klemperer, F. (1992). Ghosts, visions, and voices. *British Medical Journal*, 305(6868), 1518. <https://doi.org/10.1136/bmj.305.6868.1518>
- Ladd, B. (1997). *The Ghosts of Berlin*. Chicago University Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226467603.001.0001>
- Lange, R., & Houran, J. (1997). Context-induced paranormal experiences: Support for Houran and Lange's model of haunting phenomena. *Perceptual and Motor Skills*, 84, 1455–1458. <https://doi.org/10.2466/pms.1997.84.3c.1455>
- Leudar, I., & Thomas, P. (2005). *Voices of reason, voices of insanity: Studies of verbal hallucinations*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203977583>
- Marks, D. F. (1988). The psychology of paranormal beliefs. *Experientia*, 44(4), 332–337. <https://doi.org/10.1007/BF01961272>
- McCorristine, S. (2010). *Spectres of the Self: Thinking about Ghosts and Ghost-seeing in England, 1750–1920*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511779749>
- Pile, S. (2005). *Real cities: Modernity, space and the phantasmagorias of city life*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446220665>
- Pile, S. (2017). Spectral cities: Where the repressed returns and other short stories. In *Habitus: A sense of place* (pp. 251–273). Routledge.
- Preece, P. F., & Baxter, J. H. (2000). Scepticism and gullibility: The superstitious and pseudo-scientific beliefs of secondary school students. *International Journal of Science Education*, 22(11), 1147–1156. <https://doi.org/10.1080/09500690050166724>

- Sperber, D. (1990). *The epidemiology of beliefs*. Clarendon Press.
- Wiseman, R., Watt, C., Stevens, P., Greening, E., & O'Keeffe, C. (2003). An investigation into alleged 'hauntings'. *British Journal of Psychology*, 94(2), 195–211. <https://doi.org/10.1348/000712603321661886>
- Бехтеров, В. М. (1908). *Внушение и его роль в общественной жизни*. Издание К. Л. Риккера.
- Ван Хааске, Л. А. (2014). Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология*, 3, 54–62.
- Ван Хааске, Л. А. (2021). Конструирование сверхъестественного в СМИ: хрономираж как специфическая форма культурной памяти. В *Актуальные проблемы медиаисследований-2021* (с. 87–89). Факультет журналистики МГУ.
- Волков, А. Б. (2014). *Привидения русских усадеб*. Вече.
- Воробьева, М. В. (2020). Кладбища культуры и отдыха: Мемориальная культура и политика памяти в парках Среднего Урала. *Дискурс-Пи*, 4, 68–85. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10405>
- Зеленин, Д. К. (2021). *Очерки славянской мифологии*. Вече.
- Кожевников, Н. С. (2020). Кладбище как социокультурное пространство. В *Социология и общество: Традиции и инновации в социальном развитии регионов* (с. 3435–3445). Российское общество социологов. <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.409>
- Куликова, Д. Л. (2021). Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы). *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 13(23), 86–93. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-3-86-93>
- Назаров, М. М. (2004). *Массовая коммуникация и общество*. Аванта плюс.
- Смирнов, Ю. А. (2016). Городские легенды и монастырские кладбища. *Живая старина*, 3(91), 60–62.

References

- Baker, J. O., & Bader, C. D. (2014). A social anthropology of ghosts in twenty-first-century America. *Social Compass*, 61(4), 569–593. <https://doi.org/10.1177/0037768614547337>
- Baker, R. (1996). *Hidden Memories: Voices and Visions from Within*. Prometheus Books.
- Bartholomew, R. E. (2001). *Little green men, meowing nuns and head-hunting panics: A study of mass psychogenic illness and social delusion*. McFarland.
- Bechtereve, V. M. (1908). *Suggestion and Its Role in Public Life*. K. L. Ricker's Edition. (In Russian).
- Bell, M. M. (1997). The ghosts of place. *Theory and Society*, 26(6), 813–836. <https://doi.org/10.1023/A:1006888230610>
- Cardeña, E., Lynn, S. J., & Krippner, S. (2000). *Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence*. American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10371-000>
- Edensor, T. (2005). The ghosts of industrial ruins: Ordering and disordering memory in excessive space. *Environment and Planning d: Society and Space*, 23(6), 829–849. <https://doi.org/10.1068/d58j>

- Ellis, B. (2000). *Aliens, Ghosts, and Cults: Legends We Live*. University Press of Mississippi.
- Ellis, B. (2014). *Raising the devil: Satanism, new religions, and the media*. University Press of Kentucky.
- French, C. C., & Stone, A. (2013). *Anomalistic Psychology: Exploring Paranormal Belief and Experience*. Red Globe Press.
- Gordon, A. (1997). *Ghostly Matters: Haunting and the sociological imagination*. University of Minnesota Press.
- Guerin, B., & Miyazaki, Y. (2006). Analyzing rumors, gossip, and urban legends through their conversational properties. *The Psychological Record*, 56(1), 23–33. <https://doi.org/10.1007/BF03395535>
- Hankey, R. (1942). California ghosts. *California Folklore Quarterly*, 1(2), 155–177. <https://doi.org/10.2307/1495482>
- Holloway, J., & Kneale, J. (2008). Locating haunting: A ghost-hunter's guide. *Cultural Geographies*, 15(3), 297–312. <https://doi.org/10.1177/1474474008091329>
- Inglis, D., & Holmes, M. (2003). Highland and other haunts: Ghosts in Scottish tourism. *Annals of Tourism Research*, 30(1), 50–63. [https://doi.org/10.1016/S0160-7383\(02\)00031-2](https://doi.org/10.1016/S0160-7383(02)00031-2)
- Irwin, H. J. (2009). *The psychology of paranormal belief: A researcher's handbook*. University of Hertfordshire Press.
- Jones, L. C. (1944). The ghosts of New York: An analytical study. *The Journal of American Folklore*, 57(226), 237–254. <https://doi.org/10.2307/535356>
- Klemperer, F. (1992). Ghosts, visions, and voices. *British Medical Journal*, 305(6868), 1518. <https://doi.org/10.1136/bmj.305.6868.1518>
- Kozhevnikov, N. S. (2020). Cemetery as a Sociocultural Space. In *Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions* (pp. 3435–3445). Russian Society of Sociologists. <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.409> (In Russian).
- Kulikova, D. L. (2021). Mythopoetics of Cemetery Space in Horror (Based on Contemporary Russian Literature). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 13(23), 86–93. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-3-86-93> (In Russian).
- Ladd, B. (1997). *The Ghosts of Berlin*. Chicago University Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226467603.001.0001>
- Lange, R., & Houran, J. (1997). Context-induced paranormal experiences: Support for Houran and Lange's model of haunting phenomena. *Perceptual and Motor Skills*, 84, 1455–1458. <https://doi.org/10.2466/pms.1997.84.3c.1455>
- Leudar, I., & Thomas, P. (2005). *Voices of reason, voices of insanity: Studies of verbal hallucinations*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203977583>
- Marks, D. F. (1988). The psychology of paranormal beliefs. *Experientia*, 44(4), 332–337. <https://doi.org/10.1007/BF01961272>
- McCorristine, S. (2010). *Spectres of the Self: Thinking about Ghosts and Ghost-seeing in England, 1750–1920*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511779749>
- Nazarov, M. M. (2004). *Mass Communication and Society*. Avanta Plus. (In Russian).
- Pile, S. (2005). *Real cities: Modernity, space and the phantasmagorias of city life*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446220665>

- Pile, S. (2017). Spectral cities: Where the repressed returns and other short stories. In *Habitus: A sense of place* (pp. 251–273). Routledge.
- Preece, P. F., & Baxter, J. H. (2000). Scepticism and gullibility: The superstitious and pseudo-scientific beliefs of secondary school students. *International Journal of Science Education*, 22(11), 1147–1156. <https://doi.org/10.1080/09500690050166724>
- Smirnov, Y. A. (2016). Urban Legends and Monastery Cemeteries. *Living Antiquity*, 3(91), 60–62. (In Russian).
- Sperber, D. (1990). *The epidemiology of beliefs*. Clarendon Press.
- Van Haaske, L. A. (2014). Images of Fear of the Supernatural in the Mythological Tradition of High Medieval Europe. *Bulletin of the Moscow State Humanitarian University Named after M.A. Sholokhov. History and Political Science*, 3, 54–62. (In Russian).
- Van Haaske, L. A. (2021). Constructing the Supernatural in the Media: Chronomirage as a Specific Form of Cultural Memory. In *Current Issues in Media Studies-2021* (pp. 87–89). Faculty of Journalism, Moscow State University. (In Russian).
- Volkov, A. B. (2014). *Ghosts of Russian Estates*. Veche. (In Russian).
- Vorobieva, M. V. (2020). Recreation Cemeteries: Culture of Remembrance and Politics of Memory in the Parks of the Middle Urals. *Discourse-P*, 4, 68–85. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10405> (In Russian).
- Wiseman, R., Watt, C., Stevens, P., Greening, E., & O’Keeffe, C. (2003). An investigation into alleged ‘hauntings’. *British Journal of Psychology*, 94(2), 195–211. <https://doi.org/10.1348/000712603321661886>
- Zelenin, D. K. (2021). *Sketches of Slavic Mythology*. Veche. (In Russian).